КОНТРАКТ ЧЕЛОВЕКА С БОГОМ

Учение Кальвина всесильно, потому что оно верно. Но не для России

Сергей Шаповал

Жан Кальвин учил: работать, работать и еще раз работать!
Луи Лене. Семья молочника

Исполнилось 495 лет со дня рождения Жана Кальвина (1509–1564). Есть повод вспомнить об учении, значимость которого выходит далеко за рамки богословия. Кальвинизм, в дальнейшем развиваемый английскими пуританами, определил развитие и облик англосаксонского мира, став руководством к действию. Именно кальвинизм заложил основы мироустройства и жизненной философии цивилизации, которая добилась зримых успехов и до сих пор оказывает влияние практически на весь мир.

Жан Кальвин был самым молодым и самым радикальным деятелем эпохи Реформации. Он продвинулся гораздо дальше своего немецкого предшественника Мартина Лютера. Оба они исходили из убеждения в глубокой порочности и греховности человеческой натуры. Однако Кальвин в отличие от Лютера, допускавшего некоторую свободу воли христианина, на первый план выдвинул учение о предопределении, низвергающее человека в пучину ничтожности и полной беспомощности.

Бог еще до рождения человека предопределяет, может ли тот иметь истинную веру, будет ли ему даровано прощение или он обречен на вечное проклятие. Но обо всем этом человек никогда не узнает. Причем ни спасение, ни проклятие совершенно не зависят от земных деяний человека. Вечной загадкой пребудет, почему Бог избирает одних и низвергает

других, при этом человек не должен даже и пытаться эту загадку разгадать. Бог таким образом демонстрирует свою безграничную власть.

Бог у Кальвина – абсолютный тиран, не ведающий ни любви, ни милосердия. Теория предопределения превращала человека в ничтожную песчинку, лишенную какой бы то ни было воли к изменению своей судьбы. Налицо «бесконечный тупик». Однако там, где заканчивается логика, вступают в силу убеждения. Кальвин и его последователи были убеждены: они принадлежат как раз к тем самым избранным, которым будет даровано спасение. Неизбежные сомнения (ведь человек никогда не сможет узнать о своей избранности Богом) подавляются аскетическим существованием и фанатичной верой в то, что именно твоя общность обречена на спасение.

Эта часть учения о предопределении получила свое развитие в идеологии нацизма. Кальвин настаивал на прирожденном неравенстве людей: одни отмечены Богом и будут спасены, прочие – прокляты навек. Отсюда вытекает невозможность взаимопонимания и солидарности между людьми. Избранные вправе относиться к остальным с презрением: это проклятый человеческий материал, который можно либо уничтожить, либо использовать в своих целях. Как раз этот принцип лежит в основе теории расового превосходства.

Однако приведенный логический ход является лишь одним из последствий кальвинистского учения. Нельзя не восхититься гибкостью и многовариантностью человеческого мышления: из учения о предопределении вырос и либерализм. Сколько бы усилий и стараний ни прилагал человек, он никоим образом не может изменить свою судьбу. Но именно эти усилия и старания были объявлены признаком принадлежности к избранным. В дальнейшем своем развитии кальвинизм придавал усердию все большее значение, объявив зримые достижения в светской жизни главным признаком спасения. Избавление от постоянного и гнетущего чувства собственной ничтожности стало возможным лишь в какой-нибудь регулярной деятельности. Таким образом, экономический успех практически стал синонимом милости Божьей. Было еще одно следствие, о котором хорошо сказал Эрих Фромм: «Стремление к постоянной деятельности явилось одной из важнейших производительных сил, не менее важной для всего исторического процесса и для всей промышленной системы в целом, нежели электричество и пар».

Человек позднего Средневековья работал только для того, чтобы поддерживать приемлемый уровень существования. Проще говоря, он работал, потому что был вынужден это делать под давлением внешних обстоятельств. Кальвинизм породил новую трудовую этику, создав внутренний стимул к работе. На смену средневековому принципу производства ради потребления пришел капиталистический принцип производства ради прибыли. Так началась буржуазная революция, приведшая к созданию экономической системы капитализма и системы парламентского правления. Поскольку отношения с Богом имели форму контракта, основой любых взаимоотношений в таком обществе стал именно контракт: между гражданином и государством, между деловыми партнерами, между мужчиной и женщиной и т.д. В свою очередь, это приучило человека очень трезво и серьезно (для нас так даже излишне трезво и серьезно) относиться ко всему происходящему на земле: жизни, смерти, здоровью, работе, имуществу. Томаса Джефферсона как-то спросили, чем живой человек отличается от мертвого, он ответил: живой тот, кто обладает собственностью, у мертвого ее нет.

Сегодняшний американец, работающий с религиозной истовостью, которая нередко приводит его к неврозу (что очень неплохо подкармливает бессчетное племя психоаналитиков), мог даже не слышать имени Кальвина. Но жизнь его обусловлена и обустроена по-кальвинистски. Ему, например, совершенно невозможно объяснить смысл шутки эпохи развитого социализма: «Ну как, устроился? – Да нет, все еще работаю».

Существенным фактором кальвинистской этики стало то, что Кальвин в отличие от Лютера, опиравшегося на Новый Завет, черпал свое вдохновение в Ветхом Завете. Отсюда и образ Бога как тирана. Для Кальвина разговоры, «будто милосердие важнее, нежели вера и надежда, – это лишь мечты расстроенного воображения». Вера в собственную избранность пронизала кальвинистское учение духом жестоковыйного аристократизма, что наложило весьма существенную печать на американскую историю. Английские пуритане, прибывшие в Америку, довели свою идеологию до мессианского уровня. Новый континент они воспринимали как землю обетованную. Город Бостон первопроходцы называли Сионом, Атлантический океан – Красным морем, Джорджа Вашингтона – Моисеем. Этот самый мессианизм позволил пуританам радикально решить и «индейский вопрос», поскольку «новые иудеи» от Бога получили право на эту землю. Политическое сознание

американцев до сих пор в значительной мере пронизано религиозностью. Убеждение в избранности и ветхозаветное «око за око, зуб за зуб» определяют не только содержание голливудских боевиков, но и большой политики. Воистину, учение Кальвина «всесильно, потому что оно верно».